DOI: 10.17976/jpps/2023.01.11
EDN: ZSIUIR

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЕВРОПЕИЗАЦИИ СТРАН-КАНДИДАТОВ И НОВЫХ ЧЛЕНОВ ЕВРОСОЮЗА

А.В. Малешевич

МАЛЕШЕВИЧ Анастасия Валерьевна, научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России, Москва, email: anastasia.maleshevich@gmail.com

Малешевич А.В. 2023. Методологические особенности изучения европеизации стран-кандидатов и новых членов Евросоюза. *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 147-158. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.11. EDN: ZSIUIR

Статья поступила в редакцию: 16.09.2021. Принята к публикации: 14.06.2022

Аннотация. В статье рассматриваются основные методологические подходы к изучению процесса европеизации и специфика их применения для анализа стран-кандидатов и новых членов Евросоюза. Под европеизацией понимаются трансформации, происходящие на национальном уровне под воздействием фактора евроинтеграции. Оформление предметного поля европеизации в содержательном смысле стало следствием укрепления институциональной системы Евросоюза и неспособности классических теорий интеграции объяснить все аспекты функционирования европейской политии, в особенности обратные эффекты интеграции для вовлеченных стран. С методологической точки зрения на становление концепции европеизации оказали влияние такие тенденции, как новый институционализм и социальный конструктивизм, в частности агент-структурные дебаты. Страны-кандидаты и новые члены Евросоюза определены в одну аналитическую категорию по признаку того, что в ходе интеграционного процесса на них оказывалось более сильное адаптационное давление в сравнении с предыдущими волнами расширения. Стратегия евроинтеграции стран Центральной и Восточной Европы и Балканского полуострова, формирующих указанную группу, базируется на принципе односторонней кондициональности (обусловленности), создающем асимметрию власти между Брюсселем и национальными элитами в регионе. Проблематика внутренних трансформаций под воздействием ЕС накладывается на постсоциалистический транзит, что создает дополнительные противоречия. В случае действующих стран-кандидатов отмечается тенденция к ужесточению кондициональности, политизации требований и, как следствие, росту внутренних издержек при неочевидных гарантиях со стороны Евросоюза, где нет консенсуса по целям и срокам дальнейшего расширения. Делается вывод, что доминирующая в исследованиях европеизации методологическая традиция нового институционализма, основанная на агент-структурной оптике и позитивистской эпистемологии, уделяет недостаточно внимания содержательной стороне трансформаций, используя идентитарные категории в качестве вспомогательных факторов для объяснения трудностей трансформационного процесса. В качестве дополнительной перспективы предлагается обратиться к постструктуралистским методам и сместить фокус на содержание и смысл идентитарных изменений, происходящих предположительно под воздействием евроинтеграции.

Ключевые слова: европеизация, евроинтеграция, кондициональность, конструктивизм, неоинституционализм, национальная идентичность, дискурс-анализ.

Введение

Многолетнее функционирование Европейского союза ставит вопрос о том, какие изменения происходят на национальном уровне в государствах, в той или иной степени затронутых повесткой евроинтеграции. По мере того, как институциональная система ЕС приобретает современный вид, появляются предпосылки для изучения не только наднациональных аспектов интеграционного процесса, но и его обратных эффектов. В 1990-е годы начинает формироваться новое направление в рамках европейских исследований, в котором отразились актуальные тенденции развития сравнительной политологии и теории международных отношений, получившее название "европеизация". Содержание концепта охватывает проблематику трансформационного воздействия европейской интеграции на вовлеченные страны и уже стало предметом широкого консенсуса в западных научных кругах [Börzel, Risse 2000, 2003; Cowles, Caporaso, Risse 2001; Goetz, Hix 2000; Featherstone, Knill, Lehmkull 1999; Ladrech 1994; Radaelli 2000, 2002; Vink 2003; Graziano, Vink 2008]. На первых этапах не удалось избежать концептных натяжек, поскольку в аналитическую рамку включались также вопросы формирования институциональной структуры ЕС [Olsen 2002]. К настоящему времени, однако, сформировалась трактовка европеизации как процесса, отличного от евроинтеграции и любой другой формы политической интеграции, конвергенции или гармонизации [Graziano, Vink 2013: 38-39]. Концептуализации процесса европеизации посвящены некоторые работы российских авторов [Громогласова 2010; Латкина 2013], хотя это направление пока что не вызывает значительного интереса в отечественной политологии.

Одно из первых определений европеизации сформулировано Р. Ладрехом: "это поступательная смена направлений и форм политического процесса до такой степени, что политическая и экономическая динамика ЕС становится частью организационной логики национальной политики и стратегии" [Ladrech 1994: 69]. В классическом и наиболее распространенном определении К. Радаэлли под европеизацией понимается "процесс конструирования, диффузии и имплементации формальных и неформальных правил, процедур, стратегических парадигм, стилей, подходов к решению вопросов, общих убеждений и норм, которые сначала обозначаются и утверждаются в рамках политического процесса ЕС, а затем инкорпорируются в национальный дискурс, идентичности, политические структуры и модели государственного управления" [Radaelli 2000: 4].

Принято различать европеизацию стран – членов ЕС (внутреннюю) и третьих стран (внешнюю), но особый интерес представляет сегмент государств, которые находятся в промежуточном положении – это страны-кандидаты (в том числе потенциальные кандидаты) и новые члены ЕС. В контексте Восточного расширения ЕС (2004 г.) больше внимания стало уделяться значению исторического наследия в процессе европеизации – в частности, вопросам постсоциалистического транзита и восприятия ценностей либеральной демократии. Тем не менее центральная проблема европеизации на фоне расширения связана с асимметрией власти и усилением механизмов политической обусловленности интеграционного процесса, что создает принципиально новые вызовы, с которыми не сталкивались старые члены организации. Однонаправленный характер переговоров воспроизводит коло-

ниальные иерархии, по крайней мере в символическом смысле, и обостряет проблематику идентичности. Высокое адаптационное давление и политизация интеграционного процесса заставляют сомневаться в наличии национального консенсуса вокруг повестки европеизации и неимитационном характере трансформаций в отмеченной группе стран, а значит – требуют уточнения методологии с акцентом на анализе смысловых структур.

Целью статьи является попытка систематизации основных методологических подходов к изучению европеизации стран-кандидатов и новых членов организации. Задачи заключаются в том, чтобы, во-первых, определить особенности и ограничения применяемых в настоящее время подходов к анализу трансформационного влияния Евросоюза, а также сформулировать возможные пути расширения методологического инструментария. Во-вторых, предполагается выявить особенности европеизации стран Центральной и Восточной Европы и Балканского полуострова, более эффективное изучение которых потребовало бы определенной методологической ревизии. Мы исходим из предположения, что практически монопольная позиция неоинституционалистских методов в исследованиях европеизации с акцентом на позитивистской эпистемологии не дает представления о содержательной стороне происходящих изменений.

Место концепции европеизации в европейских исследованиях и основные методологические подходы

Европейские исследования охватывают широкий спектр вопросов, касающихся динамики европейской региональной интеграции. Феномен европеизации как трансформационного воздействия Евросоюза на национальный уровень вовлеченных государств оформился вследствие эволюции классических теорий евроинтеграции [Caporaso 2008: 23]. В послевоенные годы содержание и контуры интеграционных теорий определялись тенденциями в теории международных отношений (ТМО): базовый раскол на неофункционалистов и сторонников межправительственного подхода отражает дебаты между представителями либерализма и реализма в ТМО соответственно. В центре внимания находилась проблематика ограничения суверенитета государств в ходе интеграции, а объяснения базировались на разном понимании роли государственных и негосударственных акторов в этом процессе. Неофункционализм [Haas 1958; Lindberg 1963] настаивает на сдвиге лояльности экономических и технократических элит (в том числе транснациональных) в пользу наднационального центра и функциональном эффекте “перелива” (*spillover*), при котором интеграция в одной сфере невозможна без интеграции в сопряженных секторах. Межправительственный подход [Hoffmann 1966] основывается на понимании руководствующихся своими интересами суверенных государств как движущего фактора интеграции.

Развитие межправительственного подхода в либеральный вариант, предложенный Э. Моравчиком [Moravcsik 1993], также соотносится со сближением теоретико-методологических установок неореализма и неолиберализма в ТМО в конце 1980-х годов и постепенным утверждением фактора институционального воздействия на формирование целей и интересов государственных акторов. Либеральному межправительственному подходу противопоставляют более современные версии неофункционализма – кон-

цепции многоуровневого [Hooghe 1996] и наднационального [Stone Sweet, Sandholz 1997] управления, изучающие взаимодействие акторов на разных уровнях интеграционного объединения. На смену попыткам объяснить стремление делегировать часть полномочий на наднациональный уровень приходит более насущный вопрос о том, кто выигрывает и проигрывает от евроинтеграции [Bulmer 2008: 49], т.е. закладывается фундамент для рассмотрения обратных эффектов интеграционного процесса.

Доминирующий статус ТМО на начальных этапах развития интеграционных теорий выглядит закономерно с точки зрения задачи объяснения выбора государств в пользу наднационального объединения. По мере укрепления институциональной системы Евросоюза и становления политии происходит методологический разворот в сторону сравнительной политологии [Wiener, Diez 2009: 8] и политический науки в широком смысле (значит, вне фильтров ТМО).

Таким образом, оформление теоретико-методологических рамок концепции европеизации связано со следующими факторами.

Во-первых, углубление и расширение интеграции, становление Евросоюза как политии, хоть и со спорным смыслом, и разворот в сторону сравнительной политологии поставили вопрос об обратных эффектах интеграционного процесса и внутриполитической динамике в государствах – членах ЕС. Объяснительный потенциал теорий интеграции был ограничен фокусом на исследовании наднационального уровня.

Во-вторых, развернувшиеся в 1980-е годы агент-структурные дебаты [Archer 1982; Giddens 1984] и становление нового институционализма [March, Olsen 1998] развивали тезис о взаимной зависимости между структурами и агентами, о контекстуально (институционально) обусловленной рациональности. Для исследования европеизации большое значение будет иметь перспектива институционального воздействия на поведение акторов. Расширение концептуальных рамок понятия института, куда теперь включаются формальные и неформальные нормы, оказывающие влияние на предпочтения акторов, позволяет учитывать такие факторы, как ценности и идентичности.

В-третьих, связанный с новыми тенденциями в понимании влияния формальных и неформальных институтов (структуры) на поведении акторов конструктивистский поворот в теории международных отношений [Wendt 1999] выдвинул на первый план категорию социальной идентичности (преимущественно макрополитической), объясняющей поведение государств. Важно учитывать, что проникновение социального конструктивизма в европейские исследования произошло в форме “перелива” из ТМО [Winer, Diez 2009: 144], где изначально преобладала американская традиция конвенционального конструктивизма. Разделяя общие онтологические установки о том, что реальность не дана изначально, а конструируется в процессе социального взаимодействия, умеренные конструктивисты не ставили под вопрос позитивистскую эпистемологию с ее стандартными моделями каузальности и аппаратом переменных [Checkel 2006: 4-5].

Следовательно, при значительных методологических новациях исследования европеизации в 1990-е годы опирались на агент-структурную оптику, которая преобладает до сих пор. Если в случае интеграционных теорий ключевую роль играли американские школы международных отношений,

то практически весь концептуальный аппарат европеизации разработан представителями европейской традиции нового институционализма, также опирающейся на стандартную позитивистскую эпистемологию. Более того, считается, что повестка европеизации иллюстрирует институционалистский поворот и даже способствует "нормализации" европейских исследований, привнося в них общий политологический инструментарий, так называемые путешествующие концепты [Radaelli, Pasquier 2008: 42].

Следуя предложенной Д. Марчем и Д. Олсеном дихотомии "логики последствий" (*logic of consequences*) и "логики уместности" (*logic of appropriateness*), утверждающих рационально и нормативно мотивированное поведение акторов [March, Olsen 1998: 949-952], в европейских исследованиях применяются главным образом два варианта неоинституционализма – рационального выбора и социологический (конструктивистский), тогда как исторический институционализм востребован в меньшей степени [Hall, Taylor 1994; Schmidt 1999]. Для анализа обратных эффектов европейской интеграции для государств-членов вводится категория "*несоответствия*" (*misfit*) правилам и нормам, вызывающего адаптационное давление и, как следствие, трансформацию, часто обозначаемую как "*подчинение*" (*compliance*), т.е. приведение в соответствие [Börzel, Risse 2000: 2]. Впрочем, трансформации могут происходить без базового "несоответствия" или давления со стороны институтов ЕС. Например, на основании того, как национальные элиты понимают нормы ЕС.

– **Институционализм рационального выбора** базируется на тезисе, что евроинтеграция изменяет структуру возможностей (*opportunity structure*) на национальном уровне, наделяя одних акторов дополнительными ресурсами в преследовании их целей по сравнению с другими. Европеизация происходит за счет того, что в рамках новых структур возможностей выигрывают заинтересованные в необходимых изменениях акторы. Посредническими факторами считаются вето-игроки и различные формальные институты, облегчающие или усложняющие адаптацию.

– **Социологический (конструктивистский) институционализм** апеллирует к силе убеждения: в процессе *социализации* и *обучения* акторы на национальном уровне воспринимают стандарты и правила ЕС как легитимные и интернализируют их. Посредниками в формировании новых идентичностей выступают агенты нормативных изменений (*norm enterpreneurs*) и неформальные институты вроде политической культуры. Социологический институционализм в значительной степени соотносится с конвенциональным конструктивизмом в ТМО: значительная роль отводится нормативным факторам политических изменений, но идентичность также выступает вспомогательной или независимой переменной, объясняющей поведение акторов, но не требующей объяснения сама по себе.

Отмеченные подходы не являются взаимоисключающими и применяются параллельно для объяснения разных аспектов или стадий трансформации. Задачи методологического синтеза рационалистических [Börzel 2002] и социологических моделей относятся к приоритетным [Checkel 2001]. Соответственно, *механизмы* европеизации принято разделять на прямые требования, воздействие на структуру возможностей и на убеждения [Knill, Lehmkuhl 1999: 2-3]. Встречаются довольно редкие примеры обращения к историческому институционализму для объяснения динамики европеиза-

ции, в частности с точки зрения временных рамок адаптационного процесса [Bulmer 2009].

Предметное поле европеизации охватывает внутренние трансформации в разных сферах, которые принято объединять в три кластера: политические институты (*polity*), группы интересов и партии (*politics*) и государственная (публичная) политика и административные практики (*policy*). Последняя сфера наиболее широко исследована, поскольку связана с процессом имплементации секторальных правил ЕС.

За почти тридцать лет исследования европеизации прошли определенную эволюцию в содержательном и методологическом смысле. К настоящему моменту можно выделить несколько значимых фаз развития этого процесса.

Первая – *эмансипационная* – фаза началась в середине 1990-х годов и продолжалась до начала 2000-х годов. Центральной проблемой стала необходимость достижения консенсуса относительно концептуализации нового термина и его обособления от понятия евроинтеграции. Динамика европеизации изучается на примере государств – членов ЕС и нескольких западноевропейских стран, которые не входят в объединение. В содержательном смысле преобладают исследования в области публичной политики.

Вторая – *экспансионистская* – фаза приходится на первое десятилетие 2000-х годов и связана с перспективой дальнейшего расширения Евросоюза преимущественно на постсоциалистические страны Центральной и Восточной Европы. Появляется перспектива внешней европеизации, а аналитический фокус смещается на проблематику прединтеграционной кондициональности, что подразумевало расширение повестки внутренних трансформаций. Более востребованной становится рамка конструктивистского институционализма, объясняющая процесс социализации элит в новых и потенциальных государствах – членах ЕС.

Третья – *конструктивистская* – фаза связана с кризисом вокруг перспективы дальнейшего расширения ЕС, в частности, на страны так называемых Западных Балкан (республики бывшей Югославии и Албания).

Значительные нормативные расхождения с требованиями ЕС ставят под вопрос эффективность европеизации в этом регионе. Как следствие, предпринимаются попытки объяснить возникающие сложности через обращение к символическим факторам, в том числе к проблематике национальной идентичности.

Опора на позитивистскую эпистемологию, где оценка трансформационного воздействия ЕС осуществляется через изменения поведения акторов, не объясняет в полной мере, как то или иное решение рефлексируется в национальном дискурсе, а в условиях усиления внешнего давления задача выявления имитационных трансформаций особенно важна. Даже в социологическом варианте нового институционализма нормативные изменения играют лишь посредническую функцию, объясняющую поведение акторов. Так, обращение к категории национальной идентичности необходимо для понимания сложностей адаптации, но вопрос о том, как влияет процесс европеизации на смысловые структуры, лежащие в основе идентичности, не ставится.

Перспективным направлением представляется обращение к постструктуралистской традиции и отход от агент-структурной оптики анализа. Стандартная модель выявления каузальности между независимыми и зави-

симыми переменными, направленная на *объяснение* процесса европеизации, может быть заменена интерпретативной моделью с опорой на дискурс-анализ, целью которой будет *понимание* содержания и смысла происходящих трансформаций. Инструментарий радикального конструктивизма находится в процессе становления в европейских исследованиях [Diez 2001]. В таком случае изменения на уровне (национальной) идентичности служат не в качестве вспомогательного фактора для объяснения поведения акторов, а выступают в роли своеобразной зависимой переменной, т.е. составляют непосредственно предмет исследовательского интереса. Категория макросоциальной, в данном случае национальной, идентичности указывает на наследие ТМО в европейских исследованиях и отвечает аналитическим задачам синтеза внутриполитической динамики и международной институциональной среды. Так или иначе, участниками интеграционного процесса выступают государства.

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ СТРАН-КАНДИДАТОВ И НОВЫХ ЧЛЕНОВ ЕС

Завершение холодной войны, распад Восточного блока и одновременно укрепление Евросоюза как политии определили интерес к изучению возможностей внешнего управления (*external governance*) в европейской политике и, в частности, способности Брюсселя проецировать влияние на соседние регионы, в зону ближайшей периферии [Lavenex 2004]. Внешнее управление реализуется в различных форматах: квазичленство, как в случае с Норвегией или Швейцарией, переговоры о евроинтеграции, политика соседства, деятельность по линии ОЭСР и т.д. Экстерриториализация институциональной системы ЕС соотносится с концепцией нормативной силы, предложенной в 2002 г. Я. Маннерсом [Manners 2002]. Акцент на нормативном аспекте влияния ЕС, а именно через экспансию таких ценностей, как демократия, права человека, верховенство права, представляется проблематичным, так как, во-первых, утверждает желаемый образ в качестве реального положения вещей (сочетает прескриптивное и дескриптивное измерения); во-вторых, смешивает цели, средства и результаты [Schimmelfennig 2010: 5]. Следовательно, обращение к идее нормативной силы не дает полного представления о механизмах внешнего управления Евросоюза, но еще раз подтверждает значимость ценностного (нормативного) аспекта европеизации.

Формирование аналитической рамки внешней европеизации происходит на фоне подготовки к новой волне расширения Евросоюза преимущественно на регион Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). Впрочем, к началу 2000-х годов эти страны получили реальную перспективу членства, потому речь идет не о внешней европеизации в строгом смысле, а о некой транзитной модели трансформаций. С другой стороны, особый транзитный статус за странами Большого расширения 2004 г. и более поздними случаями[1] сохранился и после вступления. Особенностям европеизации стран ЦВЕ посвящены многочисленные исследования [Grabbe 2002; Schimmelfennig, Sedelmeier 2005; Hughes, Sasse, Gordon 2004; Jacoby 2004]. На опыте этой группы государств были сформулированы принципы европеизации, которые сейчас применяются к другим странам-кандидатам, в особенности к региону “Западных Балкан”.

[1] В данном случае за рамками общей дискуссии остаются Кипр и Мальта как участники расширения 2004 г., а также Турция, имеющая статус страны-кандидата с 1987 г.

С методологической точки зрения авторы предпринимают попытку синтеза аргументации рационалистического и социологического вариантов нового институционализма. Например, предлагается три модели для объяснения европеизации стран ЦВЕ (могут быть экстраполированы на другие случаи): внешних стимулов (*external incentives*), извлечения уроков (*lesson-drawing*) и социального обучения (*social learning*) [Schimmelfennig, Sedelmeier 2004: 671-672]. Промежуточное положение занимает модель извлечения уроков, поскольку в этом случае государства принимают стандарты ЕС без внешних стимулов или убеждения [ibid.: 676]. Объяснительный потенциал рационалистической модели внешних стимулов, основанной на принципе кондициональности, оценивается как самый высокий. В качестве инструментов европеизации, помимо базового стимула в виде перспективы членства, применяются законодательные и институциональные шаблоны, которые страны-кандидаты принимают в одностороннем порядке (комплекс *acquis communautaire*), программы финансовой и технической помощи, аттестация (*benchmarking*) и мониторинг, экспертиза и твиннинг (инструмент институционального сотрудничества между государственными органами), а также поэтапная интеграция (*gate-keeping*), когда переход в каждую фазу связан с определенными условиями [Grabbe 2002: 9-11]. Промежуточные этапы – либерализация визового режима, предоставление статуса кандидата, старт переговоров о евроинтеграции и т.д. – иногда сравнивают с контрольно-пропускными пунктами (*conditionality checkpoints*) [Vachudova 2014: 133].

После завершения евроинтеграции за государствами Центральной и Восточной Европы, а также за Болгарией, Румынией и Хорватией закрепился статус новых членов ЕС. В аналитических целях они могут быть объединены в одну группу с действующими странами-кандидатами из региона "Западных Балкан" по нескольким причинам.

Принципиальным отличием подхода к евроинтеграции стран ЦВЕ и затем "Западных Балкан" стало появление прединтеграционной кондициональности [Sedelmeier 2011: 6]. Под кондициональностью понимается предоставление стимулов (наград) в обмен на изменение поведения. Базовые условия для вступления в Евросоюз сформулированы в рамках Копенгагенских критериев 1993 (рыночная экономика, демократическая политическая система, верховенство права), но странам выдвигались дополнительные требования, зафиксированные в двусторонних соглашениях, ежегодных отчетах или по неформальным каналам. На обе группы стран оказывалось сильное адаптационное давление не только по вопросу имплементации всего корпуса *acquis communautaire*, но даже по тем сферам, которые не являются предметом наднационального регулирования внутри ЕС, при этом в процессе формирования правил они никакого участия не принимали. Односторонний характер переговоров и предоставление Брюсселю серьезных рычагов влияния создают проблему асимметрии власти между старыми членами ЕС и группой новых членов и тем более стран-кандидатов. Риторика вокруг восточного вектора интеграции и связанной с ним кондициональности в значительной мере построена на понимании европеизации как *mission civilisatrice*, т.е. политические и экономические модели основных государств-членов считаются изначально более совершенными [Hughes, Sasse, Gordon 2004: 13].

Европеизация “Западных Балкан” вступила в активную фазу в середине 2010-х годов и при известных сходствах со странами ЦВЕ имеет свои особенности [Bieber 2013; Radeljić 2013; Džankić, Keil, Kmezić 2018]. Все же действующие страны-кандидаты находятся в еще более сложной ситуации с точки зрения масштаба возникающих вызовов. С одной стороны, наблюдается тенденция к ужесточению кондициональности: теперь она охватывает период, предшествующий даже началу переговоров о евроинтеграции, чего не было в случае расширения на регион ЦВЕ. Геополитическая обстановка также была более благоприятной, так что завершение некоторых процессов реформ было отложено на постинтеграционный период. Впрочем, эти расчеты в большинстве своем не оправдались. С другой стороны, внутренние издержки приведения в соответствие своей политики с требованиями ЕС в балканских странах значительно выше. Последнее обстоятельство стало основанием для более подробного изучения национальной идентичности стран региона как фактора, объясняющего неэффективность европейских трансформационных инструментов [Freyburg, Richter 2010]. Наконец, значимым фактором, подрывающим эффективность европеизации стран-кандидатов, является высокая неопределенность относительно исхода интеграционного процесса при, как известно, возрастающих издержках адаптации. Внутренние проблемы Евросоюза накладывают ограничения на перспективы дальнейшего расширения, тем более на страны Балканского региона.

Для группы новых членов ЕС и стран-кандидатов характерна своего рода “потемкинская гармонизация”, имитационный характер преобразований и, как следствие, усиление внутренних расколов вокруг решений, которые противоречат значимым ценностям. В случае балканских стран существуют патологически нерешаемые противоречия, зафиксированные в переговорной повестке (например, статус Косова). Однако в силу доминирования позитивистской эпистемологии и нормативности западного взгляда на европеизацию как на принципиально эволюционный процесс практически игнорируется вопрос, каким образом европеизация трансформирует не только политическое поведение в утилитарном смысле, но и содержание национальной идентичности. Высокая политизация и зачастую эксплицитный характер требований, направляемых Евросоюзом в адрес новых членов и стран-кандидатов, создание внутренних иерархий и обострение центр-периферийных отношений несколько облегчают задачу оценки идентитарной трансформациями методами радикального конструктивизма, опирающегося на дискурс-анализ и подразумевающего, в частности, деконструкцию властных отношений. В то же время существуют известные ограничения, свойственные всем интерпретативным методам – среди них невозможность установить каузальные связи, провести верификацию и фальсификацию. Тем не менее трудности постструктуралистской методологии не нивелируют ее эвристический потенциал. Напротив, традиционная рамка нового институционализма имеет больше ограничений в условиях асимметрии власти.

Заключение

Обращение к постструктуралистской методологии для анализа европеизации стран-кандидатов и новых членов Евросоюза позволит преодолеть некоторые ограничения неоинституционалистских подходов: даст более ре-

льефное понимание противоречий европеизации и связанных с ней внутренних конфликтов, позволит отличить социализацию от имитации, расширит представление о механизмах нормативного воздействия в распоряжении ЕС и об их эффективности. Кроме того, постструктуралистская рамка с опорой на дискурсивные методы анализа открывает новый аналитический фокус: если раньше категория национальной идентичности была необходима в лучшем случае для объяснения специфики поведения (а именно – трудностей европеизации), то теперь предлагается оценить идентитарную европеизацию вне акторно-поведенческой проблематики. Возникает вопрос: каким образом участие стран в европейском интеграционном процесса отразилось на их национальной идентичности?

Выявление иерархии властных отношений относится к приоритетным аспектам дискурсивных методов и потому имеет потенциал применения для группы стран-кандидатов и новых членов ЕС. Однако кондиональность как преимущественно рационалистическая, формальная категория в таком случае должна быть дополнена оценкой непрямого, нормативного влияния.

DOI: 10.17976/jpps/2023.01.11

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE EUROPEANIZATION IN EU NEW MEMBER AND CANDIDATE STATES

A.V. Maleshevich[1]

[1] *MGIMO University. Moscow, Russia*

MALESHEVICH, Anastasiia Valerievna, Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University, email: anastasia.maleshevich@gmail.com

Maleshevich, A.V. (2023). Methodological approaches to the Europeanization in EU new member and candidate states. *Polis. Political Studies*, 1, 147-158. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.11

Received: 16.09.2021. Accepted: 14.06.2022

Abstract. The article reviews the existing methodological approaches to the domestic impact of European Integration which constitutes the research field of Europeanization. The enlargement of the European Union posed a question on its transformative power beyond the then-existing borders. This framework implies Central and Eastern European countries that are now considered as new members and the actual candidate states from the "Western Balkans" region. Analytical focus is based on the proposition that above-mentioned states, as opposed to the old EU members, experience strict conditionality during the accession process. One-sided imposition of rules reflects the power asymmetry and leads to the necessity to comply with conditionality principles of European Integration regardless of whether they are in line with domestic institutional structure or sensitive aspects of national identity. Another similarity of new member and candidate states is their socialist legacy which of itself contradicts the EU's normative set. It is argued that the dominance of new institutionalism approaches to analyzing the EU integration impact on domestic politics, policy and polity of the countries in the different phases of accession is problematic. Principal limits of such approaches, including their constructivist versions, are attributed to the positivist epistemology that is not being put into question. Recent developments have revealed the importance of resorting to social identities in explaining compliance or non-compliance issues but still this category is being used in the framework of actors' behavior. At the same time, the impact of European integration on the content of identities as discourses is almost completely ignored. Poststructuralist perspective is regarded as highly promising methodological tool to understand the Europeanization in the context of power asymmetry.

Keywords: Europeanization, European integration, conditionality, constructivism, new institutionalism, national identity, discourse analysis.

References

Archer, M. (1982). Morphogenesis versus structuration: on combining structure and action. *The British Journal of Sociology,* 33(4), 455-482. https://doi.org/10.2307/589357

Bieber, F. (Ed.) (2003). EU conditionality in the Western Balkans. Abingdon, New York: Routledge.

Börzel, T. (2002). States and regions in the European Union: institutional adaptation in Germany and Spain. Cambridge: Cambridge University Press.

Börzel, T., & Risse, T. (2000). When Europe hits home: Europeanization and domestic change. *European Integration Online Papers,* 4(15). https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.302768

Börzel, T., & Risse, T. (2003). Conceptualizing the domestic impact of Europe. In K. Featherstone, & C. Radaelli (Ed.), *The Politics of Europeanization* (pp. 55-79). Oxford: Oxford University Press.

Bulmer, S. (2008). Theorizing Europeanization. In P. Graziano, & M. Vink (Ed.) *Europeanization: New Research Agendas* (pp. 46-58). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Bulmer, S. (2009). Politics in time meets the politics of time: historical institutionalism and the EU timescape. *Journal of European Public Policy*, 16(2), 307-324. https://doi.org/10.1080/13501760802589347

Caporaso, J. (2008). The three worlds of regional integration Theory. In P. Graziano, & M. Vink (Ed.) *Europeanization: New Research Agendas* (pp. 23-34). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Checkel, J. (2001). Why comply? Social learning and European identity change. *International Organization,* 55(3), 553-588. https://doi.org/10.1162/00208180152507551

Checkel, J. (2006). Constructivist approaches to European integration. *ARENA Working Papers,* 6.

Cowles, M., Caporaso, J., & Risse, T. (Ed.) (2001). Transforming Europe: Europeanization and domestic change. London: Cornell University Press.

Diez, T. (2001). Europe as a discursive battleground: discourse analysis and European integration studies. *Cooperation and Conflict,* 36(1), 5-38. https://doi.org/10.1177/00108360121962245

Džankić, J., Keil, S., & Kmezić, M. (Ed.) (2019). The Europeanization of the Western Balkans. London: Palgrave Macmillan.

Featherstone, K., & Radaelli, C. (Ed.) (2003). The politics of Europeanization. Oxford: Oxford University Press.

Freyburg, T., & Richter, S. (2010). National identity matters: the limited impact of EU political conditionality in the Western Balkans. *Journal of European Public Policy,* 17(2), 263-281. https://doi.org/10.1080/13501760903561450

Giddens, A. (1984). The constitution of society: outline of the theory of structuration. Cambridge: Polity Press.

Goetz, K., & Hix, S. (Eds.) (2000). Europeanized politics? European integration and national political systems. London: Frank Cass.

Grabbe, H. (2002). Europeanization goes East: power and uncertainty in the EU accession process. In K. Featherstone, & C. Radaelli (Ed.), *The politics of Europeanization* (pp. 303-328). Oxford: Oxford University Press.

Graziano, P., & Vink, M. (2013). Europeanization: concept, theory, and methods. In S. Bulmer, & C. Lesquene (Ed.), *The Member States of European Union* (pp. 31-54). Oxford: Oxford University Press.

Graziano, P., & Vink, M. (Ed.). (2008). Europeanization. New research agendas. London: Palgrave Macmillan. https://doi.org/10.1057/9780230584525

Haas, E.B. (1958). The uniting of Europe: political, social, and economic forces, 1950-1957. Stanford, CA: Stanford University Press.

Hoffmann, S. (1966). Obstinate or obsolete? The fate of the nation-state and the case of Western Europe. *Daedalus*, 95, 862-915.

Hooghe, L. (1996). Cohesion policy and European integration: Building multi-level governance. Oxford: Oxford University Press.

Hughes, J., Sasse, G., & Gordon, C. (2004). Europeanization and regionalization in the EU's enlargement to Central and Eastern Europe: the myth of conditionality. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Jacoby, W. (2004). The enlargement of the European Union and NATO: ordering from the menu in Central Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

Knill, C., & Lehmkuhl, D. (1999). How European matters: different mechanisms of Europeanization. *European Integration Online Papers,* 3(7). http://eiop.or.at/eiop/texte/1999-007a.htm

Ladrech, R. (1994). Europeanization of domestic politics and institutions: the case of France. *Journal of Common Market Studies,* 32(1), 69-88. https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1994.tb00485.x

Lavenex, S. (2004). EU external governance in "Wider Europe". *Journal of European Public Policy,* 11(4), 680-700. https://doi.org/10.1080/1350176042000248098

Lindberg, L. (1963). The politics of European economic integration. Stanford: Stanford University Press.

Manners, I. (2002). Normative power Europe: a contradiction in terms. *Journal of Common Market Studies,* 20(2), 235-258. https://doi.org/10.1111/1468-5965.00353

March, J., & Olsen, J. (1998). The institutional dynamics of international political orders. *International Organization,* 52(4), 943-969. https://doi.org/10.1162/002081898550699

Moravcsik, A. (1993). Preferences and power in the European community: A liberal intergovernmentalist approach. *Journal of Common Market Studies*, 31(4), 473-524. https://doi.org/10.1111/j.1468-5965.1993.tb00477.x

Olsen, J.P. (2002). The many faces of Europeanization. *Journal of Common Market Studies,* 40(5), 921-952. https://doi.org/10.1111/1468-5965.00403

Radaelli, C. (2000). Whither Europeanization? Concept stretching and substantive change. *European Integration Online Papers,* 4(8). https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=302761

Radaelli, C. (2002). The domestic impact of European union public policy: notes on concepts, methods, and the challenge of empirical research. *Politique Européenne,* 1(5), 105-136. https://doi.org/10.3917/poeu.005.0105

Radaelli, C., & Pacquier, R. (2008). Conceptual issues. In P. Graziano, & M. Vink (Ed.), *Europeanization* (pp. 239-252). London: Palgrave Macmillan.

Radeljić, B. (2013). *Europe and the post-Yugoslav space*. Routledge. 2013.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. (Eds.) (2005). The Europeanization of Central and Eastern Europe. Cornell University Press.

Schimmelfenning, F., & Sedelmeier, U. (2004). Governance by conditionality: EU rule transfer to the candidate countries of Central and Eastern Europe. *Journal of European Public Policy,* 11(4), 669-687. https://doi.org/10.1080/1350176042000248089

Sedelmeier, U. (2011). Europeanization in new member and candidate states. *Living Reviews in European Governance,* 6(1), 1-52. https://doi.org/10.12942/lreg-2011-1

Stone Sweet, A., & Sandholtz, W. (1997). European integration and supranational governance. *Journal of European Public Policy*, 4(3) 297-317. https://doi.org/10.1080/13501769780000011

Vachudova, M. (2014). EU leverage and national interests in the Balkans: the puzzles of enlargement ten years on. *Journal of Common Market Studies,* 52(1), 122-138. https://doi.org/10.1111/jcms.12081

Vink, M. (2003). What is Europeanization? And other questions on a new research agenda. *European Political Science*, 3(1), 63-74. https://doi.org/10.1057/eps.2003.36

Wendt, A. (1999). Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press.

Wiener, A., & Diez, T. (2009). European Integration Theory. Oxford: Oxford University Press.

Gromoglasova, E.S. (2010). Concept of Europeanization in Western political studies. *Moscow University Bulletin of World Politics*, 4, 27-43. (In Russ.)

Latkina, V.A. (2013). Europeanization as a socio-political phenomenon. *International Trends*, 11(1), 49-62. (In Russ.) EDN: RVERLJ.

Литература на русском языке

Громогласова Е.С. 2010. Концепция европеизации в зарубежной политологии. *Вестник московского университета. Серия 25: международные отношения и мировая политика*. № 4. С. 27-43. EDN: NBKEFV

Латкина В.А. 2013. Феномен европеизации в западноевропейских исследованиях. *Международные процессы*. Т. 11. № 1. С. 49-62. EDN: RVERLJ.